

Το διήγημα "Ομελέτα με μανιτάρια" από την ομώνυμη συλλογή, μετάφραση στα ρώσικα από την Ευγενία Κριτσέφοσκαγια. Рассказ "Омлет с грибами" , перевод с греческого на русский язык Евгении Кричевской.

Рассказ "Омлет с грибами" , перевод с греческого на русский язык Евгении Кричевской.

Утром море спокойное. Ни ветерка. Мы отыскали на катере место в тени, чтобы уберечься от безжалостного тайландского солнца. Стрелка часов еще только приближалась к девяти, но уже чувствовалась жара. Ее голова лежала на моей руке. Если уж быть совсем точным, это я вытянул руку вдоль спинки деревянной скамейки, а она воспользовалась случаем и положила голову мне на руку, так что я не мог ею шевельнуть. Как бы там ни было, а для всех окружающих мы представляли собой нежную парочку. Но это был полнейший обман. Просто в течение всего путешествия она прибегала к подобным уловкам, чтобы вновь сблизиться со мной, чтобы стереть из моей памяти то, что произошло между нами до отъезда из Греции.

Я никогда не мог понять, как ей удавалось удерживать меня, даже не касаясь и, как казалось, без малейших усилий, как, к примеру, сейчас. Я смотрел на нее сбоку, на левой щеке маленькая коричневая родинка. Волосы собраны в пучок, открывая длинную тонкую шею. Она не была особенно красива, и всякий раз, когда мы ссорились, я пытался принизить ее в своих глазах, все тужился вспомнить, что же меня в ней все-таки привлекло. Дурнушкой ее также нельзя было назвать: ее худое, натренированное тело обвивалось вокруг меня с кошачьей грацией, и когда между нами все было хорошо, это сводило меня с ума. С ума я сошел и когда узнал, что это же тело, которое я целовал и гладил обвивалось вокруг кого-то еще! Это произошло только три раза, клялась она мне и плакала. Я же отвечал, что мне это безразлично: любые отношения могут и должны быть «открытыми». Самое ужасное, что я и сам не знал, сердиться мне на нее или же на самого себя – за свое раздражение, свой гнев, за то, что мне все-таки больно от ее измены, хотя я и изображал из себя сверхчеловека, которому все нипочем.

Мощный звук свистка подбросил ее кверху. Она вскочила испуганная, катер начал сбрасывать скорость, приближаясь к крохотному островку. Вдруг подул ветер, мы начали причаливать. На причале молодая женщина в зеленом парео с голым загорелым животом, схватив канат, удерживала судно, чтобы некоторые туристы смогли сойти на землю. В конце концов она изо всех сил швырнула канат обратно на палубу и что-то крикнула капитану. Мы вновь начали отдаляться от берега и Исмини повернулась ко мне, но я быстро понял, что именно она хотела произнести, и поднялся.

Вот уже целый месяц, как мы мотаемся по Таиланду, и на прошлой неделе совершили

увлекательнейшее сафари в горах на севере острова. Похоже на то, что масса новых впечатлений кое-как притупила мысли и боль, но я ни в коем случае не хотел признаваться в этом самому себе, и в общей сложности дни текли спокойно и безмятежно. Мы сошлись на том, что нет никакого смысла то и дело возвращаться к этой теме, снова и снова пережевывать случившееся. И до сих пор свое обещание сдерживали. Южные острова, о красоте которой мы были столько наслышаны, я оставил на самый конец путешествия. Мне было бы неважно пребывание на пустынном острове, по крайней мере, в первые дни, когда рана еще не зарубцевалась, вот я и решил, пусть пройдет время, боль притупится. Но каникулы приближались к концу, мы направлялись к острову, а я продолжал чувствовать себя неудобно. Я еще не был готов остаться с ней наедине.

Разговаривать не хочется: да и что она может мне сказать? Откуда ей знать, если я и сам не могу ответить на свои собственные вопросы? Она считала, что я веду себя как уязвленный любовник, и это меня бесило. Совсем нет! Да, мне плохо, я схожу с ума, я в бешенстве, но никакой любви нет. Или есть? Откуда вдруг эта жуткая пустота? Она была и раньше или вдруг образовалась? И опять – о чем нам с ней разговаривать? И к чему?

Наконец, на горизонте показался остров. Она положила руку мне на спину, я еле сдержался, чтобы не вздрогнуть: касание было легким, нежным. «Подъезжаем», сказала она, я не обернулся. В последние дни наши любовные игры были окрашены, почему-то лиловым цветом. Но как мне ей об этом сказать? Говорят такие вещи? Ложусь на нее, и внутри меня просыпаются хищники. Я позволяю им бросаться на нее, боясь, что она прочтет мои мысли. Мне хочется впиться зубами в ее плоть и рвать, пока не потечет кровь. Раньше, когда я долго молчал, она начинала спрашивать, что со мной. Сейчас – ничего.

Катер подошел к причалу. Морщинистый мужчина привязал канат к воткнутым в доски металлическим прутьям. Другой, сложив руки рупором, мелодично выкрикивал имя острова, похожее на название фрукта, и все смеялся, смеялся. Потом повел нас и еще пару-тройку иностранцев к большому джипу. По дороге Исмини все что-то мне показывала. Пейзаж и в самом деле был потрясающим: высокие хурмовые деревья с провисшими от тяжести плодов ветвями, пальмы с белеющими под ними расколотыми кокосовыми орехами. Мы сидели тесным рядком: водитель хотел забрать всех туристов разом. Ее тело прилипло ко мне – вспотевшее, родное, мое, и в то же время – чужое, незнакомое, враждебное. Эти бесконечные контрасты изводили меня, лишали сил.

Деревенька с бунгало находилась в сорока километрах от порта. Наконец, мы доехали, выбрали себе крошечный домик в десяти метрах от густо-изумрудного моря. Смеркалось. Все избытки стояли на четырех толстых бамбуковых сваях, и издали казалось, что они стоят на ходулях. Нам объяснили, что только так можно уберечь домики от воды в период муссонов, когда все вокруг заливают. Мы поднялись по длинной деревянной лестнице и вошли в комнатку, где все было сделано из дерева. Разложили вещи и поспешили в ближайший ресторанчик перекусить.

Он стоял довольно далеко от снятого нами бамбукового домика, в четырехстах-пятистах метрах. Пошли пешком, босые ноги утопали в бархате белого песка. Когда мы дошли до ресторана, уже совсем стемнело. Наши попутчики уже сидели за столиками. Мы ничего не ели с самого утра и к тому же падали с ног от усталости. Однако, ужин еще не был готов, и мы попросили принести нам что-нибудь попроще, что повар мог приготовить в ту же минуту. Кроме многоцветных сумасшедших салатов в меню имелся и омлет с грибами, фирменное блюдо ресторана, как нам объяснили, причем, можно было заказать омлет разных размеров – в 30,50 и даже 65 бхат. За нас решил голод, и мы заказали омлет в 50 бхат, и «стаканчик виски», крикнул я гибкой, полуголой официантке, делая вид, что не обращаю никакого внимания на ее круглые и тугие ягодицы. Открыл меню в надежде найти что-нибудь еще: уж очень мне не хотелось встречаться глазами со взглядом Исмини. Пробежал экзотические названия блюд, напоминающие скорее названия сказок про пиратов, чем еду. К примеру, «акулы плавники на решетке» или «волшебные грибы с яйцами». Вдруг я вспомнил, что нам рассказывали про ресторанчик на одном из южных островков, где подавали такие грибы, причем даже объясняли, как их следует есть. Прежде всего, такие грибы нельзя было потреблять на пустой желудок, потому что они считаются страшно тяжелой пищей. Нельзя было также пить алкоголь, причем, есть эти грибы можно было исключительно днем, ни в коем случае не в одиночестве, а в компании с друзьями, которые, желательно, к этим грибам не прикасались бы

вовсе.

Я невольно поднял голову и посмотрел на Исмини. Слово, которое я собирался произнести, упало на желтую скатерть, она вдруг поднялась. Я схватил стакан и отпил добрый глоток виски. И вдруг услышал, как она с кем-то нежно разговаривает в темноте. К кому она обращалась? К ветру? Я давно не слышал этого тембра, который успокаивал и убаюкивал меня когда-то. От внезапной накотившей ностальгии перехватило горло. Когда же глаза привыкли к темноте, я различил ее стоящую под деревом фигурку. Она как-будто кого-то обнимала и этот «кто-то» вдруг испустил короткий радостный крик. Отпив еще глоток, я пошел к дереву. Что, интересно, она там делала? И с кем?

Маленькая обезьянка обвилась вокруг ее тела, на красноватой мордочке зверюшки было написано невыразимое удовольствие. Она обняла передними лапками шею Исмини, а задними - талию. Исмини смеялась тем самым прежним беззаботным смехом, напоминающим журчание ручейка, и гладила обезьянку, запуская пальцы в пушистую шерстку. Где-то слева от дерева появился тусклый свет, откинув занавеску, из кухни вышел мужчина и, увидев сцену у дерева, поспешил к нам. Его одежда была пропитана всевозможными запахами, причем, преобладал запах яиц, омлета, от чего меня чуть не стошнило. Он объяснил нам на довольно хорошем английском, что обезьянка - белый бабуин, ему всего шесть месяцев, и, если девушка хочет, она может взять его с собой завтра утром погулять. А сейчас поздно, бабуинчику пора забраться в свое гнездо и заснуть, иначе он замучает всех своим хныканьем: ведь детеныш бабуина все равно что маленький ребенок, как перегуляет - начинает плакать.

Исмини поцеловала обезьянку и уже собралась опустить ее на землю, но зверюшка начала пищать, правда, уже совсем другим голосом, показывая свое недовольство и отказываясь выпустить шею Исмини. Как ни пыталась она отлепить бабуина от себя, он только крепче прижимался к ней. Эта сцена повторилась несколько раз. Только Исмини удавалось отстраниться, как обезьянка, точно резинка, возвращалась к ней с еще большим ускорением. Все в ресторане побросали вилки и наблюдали за нами с большим интересом, в конце концов вмешался хозяин обезьянки, стал ее строго бранить и, наконец, ему удалось оторвать зверюшку от Исмини. Надо же какая! «Даже бабуина околдовала, обнимает всех кому не лень», - подумал я со злостью, возвращаясь к столу и отпивая еще глоток виски. Исмини пошла помыть руки, между тем принесли еду. Мы набросились на нее точно голодные волки. Салат представлял собой настоящее живописное полотно, а омлет оказался исключительно вкусным. Едва насытившись, мы заметили, что на зубах что-то все время скрипело, и после каждого глотка во рту оставался горький, ядовитый привкус. «Вот увидишь, это грибы. Наверное, они их плохо промыли, или вообще не мыли», - сказала Исмини. Сказала и надолго замолчала. Я тоже. А потом подумал: что это она не говорит ни слова? С трудом разлепив ресницы, поискал ее глазами. Исмини склонилась над столом, плечи ссутулились, голова повисла. Взгляд - безо всякого выражения, неподвижный - как будто застыл на стакане с остатками виски. Я обратился к ней, она не ответила... Спросил еще и еще,. В ответ - молчание. Я протянул руку к ее руке, но она почему-то с сухим стуком ударилась о деревянный стол, не достигнув цели. Сколько времени прошло? Минуты или часы? А кто его знает? Я всячески сопротивлялся, соображая, что теряю контакт с окружающим миром. Голова как будто отделилась от остального тела, обрела независимость. Все расплывалось, предметы постоянно меняли формы, это бесконечное мельтешение и бесформенность вызывали тошноту, я ухватился за стол, чтобы не упасть. Исмини не отвечала, не шевелилась. «Пойдем или ты останешься?» - спросил я ее. К нам подошла девушка, насколько я мог понять - местная, она смочила лоб Исмини водой. Затем взяла мою вилку и отрезала кусочек от полусъеденного омлета. Потом - второй и третий. «Вкусный, но очень крепкий омлет», - пробормотала. Потом строго посмотрела на меня: «Вы съели очень много, надо быть осторожнее, такими вещами не шутят». Я ничего не понимал и, должно быть, смотрел на нее идиотским взглядом. «Съешь, по крайней мере, что-нибудь, чтобы прийти в себя!» и она засунула мне в рот ломоть хлеба. Я не мог жевать, рот свело, мне казалось, что он набит мелким песком с каким-то ядовитым, лекарственным привкусом. Я попылся выплюнуть песок, но во рту ничего не оказалось. «Ну что, лучше?» - спросила она. «Ответь мне, ради Бога, не сиди, как истукан, говори, двигайся!» Ее голос звучал уже мягче, он, наконец, добрался до моих ушей и наложился на пейзаж. Я находился внутри цветной стереооткрытки, такой я не видел уже много лет, наверное, с детства.

Помню, были такие, с картинками святых. Все вокруг было окрашено в попугайский, зеленый цвет, и светилось, будто присыпанное золотой пылью. Я видел периметр открытки вокруг себя, она была довольно узкой, но тем не менее мне было так уютно в ее волшебной глубине с экзотическими рыбами. Одна из них стала пускать мне в лицо пузыри и издевательски хохотать, как вдруг откуда ни возьмись появилась злая волшебница, ну очень злая, да такая уродливая, с каким-то топорщащимися оранжевыми космами и жутким взглядом.

Кто-то тормозит меня изо всех сил. «Проснись, проснись!», - кричит кто-то. - «Твоей девушке очень плохо!» Мне кажется, что я открыл глаза, но поклясться в этом не могу. Смотрю на Исмини, ее лицо медленно заливаешь бледность, так что в какой-то момент оно кажется совершенно прозрачным. Потом я вижу, что ко мне обращен только череп. «Ну же!»- трясут меня. «Я не понимаю, - спешу ответить, боясь, что связь нарушится снова. Исмини шепчет мое имя, потом: «Я боюсь, боюсь». Девушка, которая дала мне хлеб, наклоняется к ней и целует в губы. Я не знаю, откуда в моем сознании проявляется вдруг эта картина, и что она означает. «Тебе нравится?» спрашиваю я Исмини, она загадочно улыбается, и ее лицо постепенно вновь обрастает плотью. «А тебе?» - отвечает она вопросом. Теперь девушка садится рядом со мной, трет ладонью о ладонь, а потом - мою грудь, ее руки мягкие, теплые и умелые, с тонкими темными пальцами и розовыми ногтями. Вокруг нашего стола собирается народ, кто-то дает советы, остальные - просто глазеют. Я, кажется, прихожу в себя. Хочется встать и уйти. Надо уйти. «Вставай», приказываю я Исмини. Но у нее нет сил, качаясь, я встаю, обнимаю ее за талию и прижимаю ее к себе. Девушка поддерживает ее с другой стороны.

Мы бредем по бархатному песку, ноги увязают, и каждый шаг стоит огромных усилий. Поднялся ветер. Исмини громко хохочет, ее трясет, подбрасывает как в лихорадке, из нее как будто изливается этот смех, она освобождается от него, легкие очищаются. Они держатся за руки с девушкой, Исмини больше не нуждается в поддержке, та хохочет тоже. Сначала боязливо, как будто зондируя, но потом ее грудь точно распаивается, подставляется ветру. Я останавливаюсь и смотрю на них сзади. Два красивых обнявшихся тела, непонятно почему, непонятно, откуда - на белом песке, который разрешает все. Вроде бы мы шли домой, но вот заблудились, потеряли ориентир, и ходим кругами. Моя голова тяжелеет, но я чувствую себя значительно лучше. Мне еще трудно совладать с собой: это грибы во всем виноваты, как пить дать, думаю. Исмини объявляет, что сегодня ночью она обязательно останется спать на пляже, она не может идти дальше, то и дело спотыкается о песок. Все, с нее хватит, сил и так было мало, а теперь ветер развеял и их. Мы решаем дать ей немного отдохнуть. Девушка настойчиво смотрит на меня, она пьяна. Я впервые вижу ее лицо: темнокожая, с сочными темными губами. Мы впиваемся друг в друга, точно в сочный плод. Ветер не согласен, пытается нас разнять.

Проплутав несколько часов, мы добрались, наконец, до бунгало. Рассветает. Мы вытягиваемся на кровати, я нащупываю тело Исмини. Оно податливо, но как-то безвольно. Вхожу в нее. «Держи, держи потолок, он все время куда-то ползет!» - кричит она и испуганно царапает ногтями мне спину. Девушка лежит рядом и гладит мне волосы, пытается подтянуть мое лицо к своему, я впиваюсь губами в ее губы, у них мятный вкус, и лоно Исмини жжет мне внутренности. Обе они удивительно миниатюрны.

Потом я меняю внутренний пейзаж. Меняю лоно. У девушки из ресторана короткие волосы. Я вздрагиваю теперь на ней, и много-много недель спустя могу, наконец, сказать Исмини: «Посмотри на меня, любимая, посмотри мне в глаза».

Перевод с греческого Евгении Кричевской

Иро Никопулу - художница, писательница, поэтесса. Закончила Академию Художеств в Афинах. Она опубликовала четыре поэтических сборника, повесть и сборник рассказов. Член Союза Греческих Писателей и Союза Греческих Художников.

